

Продолжение

18. В первой половине января в Сухуми ярко светило солнце, солнечный свет заливал все вокруг, воздух очищался, яснее читалась клинопись кипарисов, сухие, потерявшие листья ветви винограда, сверкали на горизонте горы в бурках подступавшего к городу снега...

В один из таких дней пришел я в кофейню, приютившуюся у увитой виноградом стены против гостиницы «Абхазия», с выстроившимися у ее фасада высокими слоновыми пальмами, вместе с моим товарищем, московским художником Леной Малевичем-Синим. Друзья называли его «Малевичем», или просто «Синим».

Лене было сорок с небольшим в ту пору, был он строен, лысоват и, следуя московской моде того времени, облачен в блейзер, или, как это называли тогда, «клубный пиджак». Несколько человек, я заметил, оглянулись, до Сухуми эта мода еще не дошла.

Кофе здесь пили стоя у высоких столиков, кто-то играл в шахматы, кое-кто обсуждал результаты футбольных баталий.

Мы взяли кофе, и подошли к столику, у которого в одиночестве пил кофе Рафик.

— Привет, Рафик, — сказал я, — как поживаешь?

— Добрый день, — ответил он и, слегка наклонив голову, добавил, — представь меня своему другу...

Мне показалось, что двустольная фамилия произвела на Рафика некоторое впечатление. После того как официальная церемония представления была завершена Рафик спросил,

— А чем наш друг занимается, кстати говоря?

— Я — художник, — сказал Лена.

— Да, был один художник, Модильяни его звали, тоже пиджаки носил, — прокомментировал его ответ Рафик.

Лена засмеялась, ему понравилась шутка Рафика, а тот, еще раз взглянув на блестящие металлические пуговицы на пиджаке московского гостя, спросил,

— А вы, случайно, Казимиру Малевичу не родственник?

19. К лету слухи о приезде в Сухуми самого Малевича, разгуливающего по городу в величественном блейзере, донесли до Альберта, грузинского еврея, предки которого переехали в Сухум-кале из-под Кутаиси.

Альберт познакомился с Леной и заказал у него портреты своих умерших родителей и двух рано умерших сестер.

Торговый комплекс «Абхазия», которым Альберт управлял, размещался на площади у Морвокзала. Прилавки «Абхазии» завалены были «колониальными товарами», произведенными различными цехами, мастерскими и фабриками.

Малевичу-Синему представлены были фотографии усопших, и он задумал написать триптих. На центральном двойном портрете изображены были отец семейства и его супруга, державшие в соединенных руках гроздь винограда. Число виноградных соответствовало числу

ГРЕЧЕСКИЙ
СУХУМСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

#194

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед, e-mail: elsuhum@yahoo.com

ЗАБЫТЫЙ СЕБАСТОПОЛИС

ГОСТИНИЦА «АБХАЗИЯ» И РЕСТОРАН «АМРА».

АВТОР СТАТЬИ: В. Г. ГЕЛИБЕК

детей в семье. На двух остальных портретах изображены были ушедшие сестры, каждая из которых держала в руке виноградную лозу.

После того, как художник завершил подготовительную стадию работ, в квартире у Морвокзала, где он остановился, появился отчаянно рыжий и надушенный Альберт, осмотрел картонные рисунки, кивнул, пробормотал что-то нечленораздельное и исчез.

Через час объявился мальчишка-посыльный со свертком, содержавшем кепку покойного отца Альберта.

— Кепку чтоб правильно нарисовали, — передал посыльный просьбу Альберта.

После чего Малевич-Синий начал работу над портретами.

Когда работа была закончена, на квартире у него вновь появился Альберт. Он осмотрел работы, вновь справился о цене каждой картины в отдельности, кивнул, повернулся и ушел. Малевич-Синий не знал, что и думать.

— Не слишком ли много я попросил? — еще раз обратился он ко мне, — но ведь и работа большая: четыре лица, четыре

пары рук, костюмы, кепка, косянки и виноградины, и все это на фоне голубых небес...

Вскоре объявился все тот же мальчишка-посыльный с пластиковым пакетом, набитым трешками, пятерками и десятками, набранными, по-видимому, из кассовых аппаратов «Абхазии».

Торговля была одним из важнейших занятий в городе-курорте.

Торговля и вопросы национально-клановых отношений тесно переплетались с проблемой дележки пирога с милицией, инспекциями, обкомом и блатными. Директором Сухумского рынка был Мелитон Кантария, водрузивший вместе с Михаилом Егоровым знамя победы над Рейхстагом.

20. Одним зимним утром, сойдя с поезда Сухуми — Тбилиси, я встретил Алеко на перроне тбилисского вокзала. Было холодно, на перроне лежал снег, а Алеко был в распахнутом пальто и в тех же самых яростно начищенных оранжево-коричневых штиблетах с прорезями, что носил в Сухуми. Он с недоумением посмотрел на меня и спросил,

— А ты что здесь делаешь?

— Учусь в университете, Алеко, — ответил я.

— А я думал, ты целый день кофе пьешь, — сказал Алеко.

— А ты здесь зачем? — спросил я.

— Фестиваль абхазской кухни. Министр торговли Абхазии попросил приехать, показать, как надо варить кофе. Приходи в среду вечером в кафе «Метро» и захвати товарищей, если хочешь, — добавил он.

И Алеко огляделся, ощущая, по-видимому, некое неудобство, здесь не было моря и сладкого

сухумского воздуха, к которому он привык.

В среду вечером мы сидели за столиком на втором этаже в кафе «Метро» и пили кофе. Алеко пришел к нам с кухни, на нем был белый халат и белый колпак. Он медленно курил сигарету, когда к столику подошел директор кафе и попросил его сварить кофе для министра торговли Грузии.

— Передайте министру, что Алеко пьет кофе со своими сухумскими друзьями, — сказал кофевар, — пусть немного подождет...

Отчасти это были слова уставшего за день человека, отчасти — привычная бравада жителя приморского города, в большей мере адресованная тем, кто сидел за столом, нежели кому-либо другому...

Через пару минут Алеко встал, вздохнул и, ткнув сигаретой в пепельницу, отправился на кухню.

Вообще же, находясь за перевалом, отдельные жители Сухуми любили подчеркивать свою автономность и определенную независимость. Порой это были голоса уроженцев Западной Грузии, называвших себя «грузинами первого сорта».

Иногда это были голоса студентов-абхазцев, охваченных очередным всплеском национальных страстей. Некоторые мечтали о наступлении времен, когда все пришельцы будут изгнаны из Абхазии.

— Это наша земля, — говорили они, — и никого кроме нас здесь быть не должно...

При том, что большинство городского населения говорило по-грузински, в городе жили люди, представлявшие, казалось, совершенно различные эпохи, языки и культуры. То было место, где самые фан-

тастические претензии звучали как бытовые упреки. В словаре обитателей Сухуми отсутствовало слово «всегда». Жизнь состояла из переплетения ряда повествований. История была не оформлена, фрагментирована, коллективная память о ней не сложилась и трактовки ее постоянно оспаривались то одной, то другой стороной, из чего следовали лицемерие и, как минимум, цинизм и двоемыслие...

Изменялась топонимика, начиная с названий улиц, гор, менялись фамилии и записи в графе «национальность»... Начиналось все с вопросов о судьбах Диоскурии и Себастополиса, Цхума и Акуа... Сколько раз погибал античный город, и где он, собственно, располагался? И чем было мохаджирство — добровольным уходом, рассеянием или изгнанием?

Из разговоров с ветеранами «Амры» узнал я о том, что в 1942 году, когда немцы подошли к перевалам, а несколько воинских частей вместе с ополчением и отрядами милиции направились в горы с тем, чтобы остановить их, по городу пронеслась волна грабежей, убийств и сведения старых, не закрытых со времен кровной мести счетов...

Обороной перевалов руководил Лаврентий Берия, уроженец расположенного по дороге в Цебельду села Мерхеули. Называли наркома в городе по-разному: Берия, Лаврентий, Лаврик, Лаврушка и даже Ляврентий, подчеркивая его мингрельское происхождение. Жили в городе и его родственники, и знакомые, и бывшие любовницы...

21. Через пару лет после окончания университета, незадолго до отъезда из Тбилиси в Ленинград, привел я однажды в кафе против гостиницы «Абхазия» внучек Сталина.

Их мать, жена Василия Сталина, привезла их в Сухуми, надеясь на то, что в Грузии им будет легче поступить в высшие учебные заведения. Вместе со своей матерью девушки были в гостях у нашей соседки Нанули, и та попросила меня взять девушек, которым было скучно в компании взрослых, на набережную, поест мороженого.

Нанули родилась в селе неподалеку от Зугдиди, столицы Мингрелии. Седая, властная женщина, она воспитывала дочь и племянницу. Ей приходилось много работать, у нее были прямые, жесткие манеры. Она постоянно курила папиросы и не сомневалась в том, что все люди — мерзавцы. Оттого она восхищалась Сталиным, который сумел навести «порядок» в стране.

Внучки Сталина были светлые, зеленоглазые, с чуть удлиненными тонкими носами, невысокие и похожие друг на друга. Они с удовольствием ели присыпанное ореховой крошкой мороженое в металлических розетках. Позднее одна из них уехала с матерью в Тбилиси, а другая поступила в Сухумский педагогический институт, и вскоре вышла замуж за Бондо, выходца из Зугдиди, который работал портным в ателье, директором которого была Нанули.

На стене в ее кабинете висел большой портрет Сталина.

Прожив несколько лет в Питере, я вернулся в Грузию, в Сухуми, где жили мои родители.

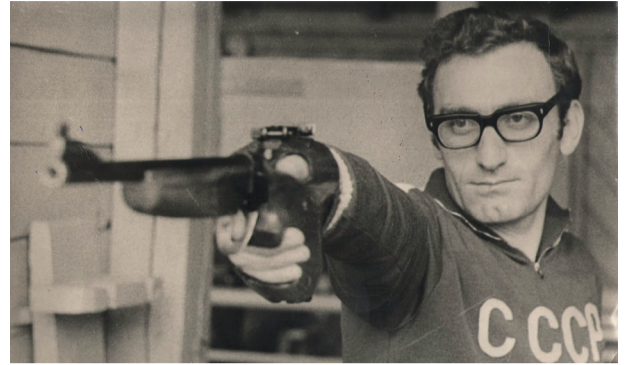
У СУХУМСКОГО РЫНКА. НАЧАЛО 1970-Х.

КАФЕ «БРИГАНТИНА».

ЗДАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

МАРЛЕН ПАПАВА

РЕСТОРАН «АМРА»

Вскоре после приезда я встретил Бондо все в том же кафе против гостиницы «Абхазия». Он собирался купить дом, до этого он жил с родными. Разговор коснулся его семьи, и он, не называя имени своей жены, сказал,

— Если б я знал, что у нее характер как у деда, точно не женился бы...

22. Через пару лет после возвращения в Сухуми я стал владельцем квартиры на втором этаже старого «греческого» дома, построенного в 1903 г. у подножия горы Чернявского, в самом начале приморского бульвара.

Купили мы ее у грузинских евреев, уезжавших в Израиль.

Потолки в доме были высокие, под пять метров. В гостиной стоял у стены большой, затянутый зеленым сукном письменный стол красного дерева из канцелярии Керенского, купленный по случаю в Питере.

Из окон дома видна была гора Баграта с тремя кипарисами и полуразрушенной, тысячулетней крепостной стеной на плоской вершине, окончание большого причала, синяя пелена моря и огибающий его берег.

Пробегала под Красным мостом к морю неглубокая и порожистая Беследка.

В окна на веранде лезли ветви хурмы. С моря дом смотрелся желтым пятном на склоне горы. Я продолжал писать, но рукописи показывал лишь ближайшим друзьям. Писать я начал еще в Ленинграде, где время от времени меня посещали приступы ностальгии по Югу.

Однажды осенью я встретил в парке против здания горсовета, искусанного крысами бродягу. Прохладный осенний день шел к концу, вскоре должно было стемнеть.

Я сидел на скамейке, у меня в руках была книга об искусстве Северного Возрождения, которую я только что купил и решил просмотреть. На шесть часов вечера у меня была назначена встреча под часами на башне горсовета.

Я начал перелистывать книгу и заметил, что она привлекла внимание моего соседа по скамейке.

Это был маленький, темный человек с выпуклым коричневым

лбом и острым подбородком, глаза его прятались под густыми бровями. Одет он был так, как одевались жители села, направляясь в город: темные, не очень понятного цвета пиджаки и брюки и черная, из плотной ткани сорочка. Его черные туфли были запачканы землей.

Внезапно он обратился ко мне с вопросом,

— А что, такое разве разрешено?

— Что именно? — спросил я.

— Ангелы, — пояснил он, указывая на репродукцию работы Ван Эйка.

Затем он попросил разрешения пролистать книгу и рассказал, что недавно вышел из тюрьмы. После тюрьмы он попал в больницу, так как ночевал в заброшенном доме, где его кусали крысы.

Он рассказал мне темную, непонятную историю о преследовании одного из заключенных другими и о последовавшем отлучении...

Я сидел на скамейке с безумцем, но в том, что он говорил, присутствовало или, скорее, просвечивало нечто созвучное тому, о чем я думал в ту пору...

23. Вскоре после приезда я зашел в местное отделение Союза писателей, где познакомился с референтом союза, молодой женщиной, недавней выпускницей МГУ. Местное отделение Союза располагалось в одном из правительственных зданий. Помещения, включавшие конференц-зал и разнообразные кабинеты, были обширные и неживые.

За окном просторного кабинета шел дождь. Она сидела за письменным столом и читала очередной выпуск журнала «Новый мир». Перед ней стояла чашка чая. На столе стояла стеклянная ваза с ветками желтой, недавно распустившейся мимозы. Мы поговорили о журнальных публикациях, о латыни и о стихах, и когда я уже поднялся, она показала мне фотографию мужчины с длинными бакенбардами и спросила, знаю ли я, кто это такой. Мужчина в белой рубашке с расстегнутым воротом изображен был в полупрофиль.

— Кто-то из революционных демократов? — предположил я.

— Это Солженицын, — объяснила она.

Я услышал в ее голосе нотки благоговения.

— Вы видите меня в первый раз и показываете мне фото Солженицына. Будьте осторожнее, — посоветовал я, — не показывайте подобные вещи местным литераторам. Ничего хорошего из этого не выйдет...

Мое «циничное» отношение к уроженцам субтропиков ее, как я помню, оскорбило. В карих глазах ее засверкали искры, она негодовала, как я могу подозревать людей без всяких на то оснований?

— Но здесь совершенно никого не волнуют идеалы Солженицына, это — национальная окраина с ее собственными проблемами, — пытался убедить ее я.

Через некоторое время ее послали из города за то, что она дала кому-то почитать сборник поэзии «Воздушные дороги», опубликованный в Нью-Йорке. Во время обыска у нее обнаружили том Ницше и еще пару запрещенных книг. Она оказалась в поселке на Северном Кавказе, где работала в школе.

По возвращении в город ей удалось устроиться на работу в похоронное бюро.

Об обнаруженных у нее книгах я узнал на собрании, которое проводилось на заводе, где я проработал несколько лет в лаборатории надежности.

Перед рабочими и инженерами выступал маленький, наглый чекист в сером костюме, с которым я когда-то сидел за одной партией. Отец его в те времена был крупным милицейским чиновником.

Однажды летом, вскоре после возвращения в Сухуми, я увидел его на причале, где швартовались катера, курсировавшие по маршруту «Город-пляж». Он пытался познакомиться с курортницей в большой соломенной шляпе. Крупная женщина с порозовевшей от солнца кожей смотрела на него с недоумением, а затем ответила ему с явным пренебрежением в голосе... Он покраснел, но не замолчал, а продолжал пытаться получить разрешение проводить ее до дому...

24. В солнечные дни на «Амру» обычно заглядывал доктор Папава, невысокого роста, худощавый и рыжий. Познакомились мы в те времена, когда он работал врачом на «Скорой помощи». Вскоре он и сам попал в больницу. У него были сломаны

ключица и пара ребер. Наркоман, к которому доктор Папава приехал по вызову, потребовал от него морфия. Марлен не стал делать ему укол, и «больной» ударил его по ребрам графином с водой.

— Я мог бы его замочить, — сказал Марлен, — но он наркоша, ему все равно конец...

В юности он много путешествовал по России и Сибири, сплавлял лес и охотился. Еще со времен службы в армии он, не смотря на то, что носил очки, был чемпионом страны по стрельбе из пистолета. Он часто уезжал за границу на соревнования. Врач-терапевт, он был одним из лучших стрелков в мире. В ответ на неумеренные похвалы в его адрес, Марлен говорил: «Лесть валит с ног даже быка».

Обычно, возвращаясь из-за границы с соревнований по стрельбе, он привозил дяде Сане крючки. Когда-то дядя Саня отвел Марлена на стрельбище. Его первым тренером был чекист, высланный в Сухум из-за романа с Исидорой Дункан.

У Марлена были абхазские и мингрельские родственники. Он свободно говорил по-абхазски, по-мингрельски и по-грузински и считал себя грузином. Медицинский институт он закончил в Тбилиси, где жил в одни годы со мной, но познакомился мы в Сухуми. В те годы он увлеченно читал Монтеня, а позднее заинтересовался наследием Гурджиева.

В те времена на «Амре» часто обсуждали убийство президента Кеннеди. Спорили о том, сколько прицельных выстрелов можно сделать из снайперской винтовки за три секунды.

Однажды Марлен сказал мне, — Егор, эти люди безумцы. Они не знают, о чем говорят. Это не просто винтовка, это Манлихер-Каркано. Дай мне двенадцать членов Политбюро на трибуне и один Манлихер-Каркано. Через три секунды их просто не будет...

110 лет назад, 10 (23) декабря 1912 г. скончался выдающийся сухумчанин, совладелец гостиницы «Ориенталь», член правления Сухумского Эллинского общества Димитрий Анастасиевич Мариэти (Δημήτριος Μαριέτις).

Название марки оружия прозвучало как магическое заклинание.

Несколько лет спустя он улетал в Багдад, тренировать телохранителей президента Ирака.

— Что тебе привезти из Ирака? — спросил он.

— Марлен, привези мне финики, — попросил я, — говорят, что иракские финики, — самые лучшие.

Финики на сухумских пальмах вызревали только в случае исключительно теплой и спокойной осени. Иногда на прилавках магазинов появлялись сушеные финики.

— Приятно будет попробовать их здесь, на «Амре», — сказал я.

Через месяц мы встретились на «Амре».

— Я не забыл, Егор, — сказал мне Марлен, — я вез тебе ветку с финиками, срезанную с пальмы в саду Саддама Хуссейна, но их не пропустила таможня....

Обычно Марлен пил «садэ», кофе без сахара. Расколотые кубики сахара подавались отдельно.

Однажды за кофе он рассказал о том, что в больницу привезли бармена из «Бригантины», находившейся на площади перед причалом. На площади располагалось три питейные заведения, и в народе его называли «Бермудский треугольник».

У бармена была прострелена грудь. Он выжил всем на удивление, пуля должна была задеть сердце, но этого не произошло.

— Все дело в том, что сердце в этот момент сжалось, — объяснил Марлен.

Оружием в наших краях интересовались самые разные люди.

Однажды Марлен упомянул о том, что знакомые попросили его научить людей стрелять в расчете на будущие сражения, но он, естественно, отказался.

Продолжение следует

